

Гиблое место / рассказ

Category: Nekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Гиблое место / рассказ ГИБЛОЕ МЕСТО

Известный на всю страну модный художник-портретист Миколас Самсонавас отправился в творческую поездку по Нечерноземью. Богемная столичная жизнь последних десяти лет почти полностью опустошила Миколаса, заставляя его все чаще и чаще менять волшебные кисти на бокал вина или рюмку водки. Да и от картин, которые Миколас все же время от времени писал, удовольствия не получалось.

«Вся жизнь — дерьмо, — жаловался он по пьяни очередным собутыльникам. — Не то все, не так. Одни рожи рисую. А в них только жадность да подлость, гнусность да пошлость, тупость да жлобство. Ни капли человеческого, сплошь рога, копыта и мерзкие ухмылки. Сплошной мелодраматический триллер. Уехать бы куда, на лица нормальные посмотреть, на завалинке поутру посидеть, петухов послушать, молока парного испить вместо этой водки проклятой, будь она неладна».

И вот ехал Миколас в купейном вагоне, потягивал потихонечку коньячок и любовался в окно сменяющимися друг друга пейзажами. Сердце художника радостно стучало в такт железнодорожному перестуку, наполняя Миколаса чудесными предчувствиями.

«Боже, какой я дурак, какой дурак, что двадцать лет проковырялся в этом столичном дерьме! Столько времени зря убил — думал Самсонавас. — Нет, нет, больше и за сто миллионов меня назад не затянешь. Только туда, вперед, к народу, к истинной Руси, к корням, в глубинку! Там черпать самое лучшее, благородное, одухотворенное! И душу лечить, лечить и лечить. И Бога молить о прощении. В церквушке какой-нибудь захудалой. И чтоб без помпы и красотей, а по-настоящему лбом оземь, и с батюшкой-подвижником. С беседами философскими за чашечкой чая да с баранками. Ах, красота!»

С такими благостными думами и прибыл Миколас Самсонавас в областной центр. Встречали художника с цветами и хлебом-солью

девушки в сарафанах. Местная элита счастливо улыбалась приезду знаменитого гостя, нахваливая его незаурядный дар и великие успехи.

– Миколас, ваши портреты, они такие, такие! Они как Джоконда да Винчи и квадрат Малевича в одном лице и даже лучше! – придыхала перед Самсонавасом моложавая жена губернатора. – Я как их увидела, так в них и влюбилась без памяти с первого взгляда и до конца. Я так надеюсь в мечтах, что и мое скромное лицо ляжет красками на холст в портрете от вашей гениальной руки с кистями. И мои дети тоже в мечтах, даже в школу не ходят, все ждут вашего приезда и позирования. А уж Матвей Гаврилович, муж мой, так он просто бредит вашими картинами. Он и в Эрмитаж в Кремле ходит, когда в Москве в гостях у президента бывает. Придет в Эрмитаж, встанет перед картиной и любуется на нее с наслаждением. Вы ведь, Миколас, президента в натуре рисовали, у нас говорят? Как он вам в натуре показался? Великий человек?

«Бред – тряхнул головой Самсонавас, пытаюсь избавиться от наваждения – дурдом, похлеще московского. Видать, от приема не избавишься. Поем – и сразу же в глубинку, подальше от этого невежества».

На вечернем приеме Миколас Самсонавас пил, ел и выслушивал всякие глупости.

– Вы, Миколас, Литвинову рисовали? Как она вам в обнажении? – пытала Самсонаваса толстая жена начальника областной милиции. – Говорят, тоща, как скелетина, и еле ходит от диеты.

– А правда, что у Пугачевой груди из накладного силикона, и каждая по восемь килограммов веса? – интересовалась плоскогрудая владелица местных супермаркетов.

– У нас тут спор меж своими возник, что Церетели Петра Первого с Лужкова слепил – чокнулся с Миколасом бокалом с шампанским губернатор. – А некоторые прямо указывают на Грызлова. Ты к кому склоняешься?

– А вы к кому?

– Хитер, брат, на мякине не проведешь – погрозил пальцем Самсонавасу губернатор. – Вот что значит столичная закваска.

– Нам тут сказывали, что вы голову Ленина для Зюганова в

мавзолее спозировали? – нервно дернул художника за рукав лидер областных коммунистов.

– Для чего? – от неожиданности Миколас расплескал полфужера коньяка.

– Для истории. Ну и как она?

– Кто?

– Голова.

– Мертвая – разозлился Миколас – мертвое не бывает.

– Ну да, ну да, мы, в общем-то, так это и предполагали – спрятался за многочисленные спины коммунист.

– А что, были сомнения? – прокричал вслед ему Самсонавас.

– Не обращай на него внимания, они уже в прошлом – приобнял за плечи Миколаса местный банкир, увлекая его за собой на балкон.

– А нам бы с тобой о будущем перетереть.

– В каком смысле?

– В смысле вложений. У нас тут как бы кризис небольшой наметился, так вот хочу узнать напрямую, с первых, так сказать, уст. Твои картинки, что, действительно бабок стоят? Или это все туфта?

– Ну, стоят, наверное, раз покупают.

– Ты мне не винти, ты мне как на духу, как перед папой, скажи, стоят или нет? – пыхнул сигарным дымом в лицо художнику банкир.

– Стоят, стоят – поморщился от бандитской выходки Миколас.

– Ну, смотри, не обмани – фамильярно похлопал по плечу Самсонаваса банкир. – Мы тут с пацанами решили в тебя вложиться. В Москве уже кое-что прикупили, и здесь, надеюсь, прикупим. Ты же сюда рисовать приехал?

– Ну да – кивнул Миколас.

– Так и давай рисуй. Вон сколько мурла вокруг крутится. Мы с пацанами все скупим, что нарисуешь. Если там краски, кисти, бумага нужна, ты говори сразу, не тушуйся – все привезем, хоть весь склад лакокрасочных изделий.

– Спасибо, конечно, но я здесь задерживаться не хотел бы, у меня другие планы.

– Это какие? – нахмурился банкир.

– Хочу в глубинку проехать, поближе к народу, там найти новые

сюжеты.

– Ты че, охренел? – ругнулся банкир. – Кто ж тебе за обыкновенных колхозников платить будет? Они ж не стоят ничего. А тут вон золотое дно, от губернатора до прокурора.

– Шедевры не от званий зависят.

– А от чего?

– От мастерства – тяжело вздохнул Миколас. – Шишкина знаешь?

– Ну – согласно кивнул банкир. – Про медведей у него и про рожь.

– Во-во. А людей ты там видел на его картинах?

– Нет, не видел.

– Вот видишь, у него на полотнах один лес, и стоит он побольше, чем любой из моих портретов.

– А-а-а – задумчиво согласился банкир.

– Вот тебе и «ааа». Потому и в глубинку хочу. Понял?

– Теперь понял.

– Ну, а если понял, избавь меня от этих рож и отвези куданибудь подальше от цивилизации.

– Договорились, завтра с утра будь готов.

На следующее утро крутой внедорожник увозил художника на север все дальше и дальше от областного центра.

– Куда теперь, начальник? – поинтересовался водитель, промчавшись мимо очередного городка. – Дальше скоро другая область, а мне туда без пахана въезд заказан.

– Через пару километров поворот на Шишку, не пропусти – еще раз взглянул на карту Самсонавас.

– Что за Шишка такая? Не слышал ни разу – пожал плечами водитель.

– Судя по карте, километров сорок к северу от трассы будет.

– А дорога какая?

– А чего тебе дорога? – похлопал по панели Миколас. – У тебя такой танк, он и без дороги запросто пройдет.

– Не скажи. Пахан, знаешь, за каждую царапину спросит.

– Не бойсь, за все заплачено – усмехнулся художник.

Свернув с магистрали, внедорожник еще километров десять катил по асфальту, потом столько же по проселку и оставшиеся километры – по совершеннейшему бездорожью.

– Может, заблудились? – занервничал водитель, потеряв терпение. – Черт знает, как тут ориентироваться – все бурьяном заросло, едем почти на ощупь. Да и наши поговаривали, что места в этой стороне гиблые.

– Да нет, все нормально, вон и изба на взгорке виднеется – указал вперед Миколас.

У покосившегося, потемневшего от времени деревянного дома, обнесенного полуистлевшим штакетником, сидел сморщенный сгорбленный дед, одетый, несмотря на августовский теплый день, в зимнюю шапкуушанку, старую издерганную фуфайку, ватные штаны и валенки.

– Не жарко, папаша? – обратился к нему Миколас. – Не рано ль зиму встречаешь?

– Она у нас и не кончалась, сынок – беззубо улыбнулся старик.

– А это что? – повел рукой вокруг Миколас, указывая на разнотравье.

– А это видимость, обманка – хихикнул дедок.

– Да че ты с ним базаришь – встрял в разговор водитель. – Не видишь, нажратый с утра и бредит. Ты, дед, лучше спой, как до Шишков нам добраться.

– И петь тут нечего, вы ить уже в Шишках.

Водитель оглянулся кругом, но, кроме дедовой избы, никаких построек не обнаружил.

– Че ты дуру гонишь, че гонишь – набычился он на старика. – Где Шишки, показывай!

– Так ить где? – не испугался сурового взгляда старик и махнул ладонью в сторону. – Везде. Тут Шишки, и за энтим оврагом Шишки. В них Гнат Шишков жавёт. И за тем перелеском Шишки. Там Агафа Шишкова с Авдотой Шишковой жавут. А за тем вона полем, вона на холме крыша выдается, там Кириян, мой брательник, жавёт с женою Марусей, и тожа в Шишках. Ну, а там, откуда вы приехали, там Петка и Федка жавут, тоже брательники из трахтуристов безжённые. И у них Шишки. Так какие вам надо?

– Офигеть! – вылупил глаза на деда водитель.

– Папаша – чуть подумав, обратился Миколас к старику. – Я в отпуск приехал из Москвы, хотел месяца тричетыре у вас тут

пожить, отдохнуть, сил набраться, ну и поработать. Не подскажите, у кого на постое остановиться? Я заплачу.

– Из Москвы, говоришь? – прищурился старик, оценивая Самсонаваса. – Так ить подумкать надо. Ежели в Шишки к Петке и Федке, так ить пьют и мордобитствуют. Не пойдешь?

– Не пойду – улыбнулся Миколас.

– Ну и правда. А ежели к брательнику моему Кирьяну, так ить пьют и мордобитствует. А ишо Маруску равнуйт. Не пойдешь?

– Неа – еле сдерживая смех, закрутил головой Миколас.

– Ну и правда. Тогдате, получатся, к Гнату Шишкову. Он самогонщик справной, тожа пьют и мордобитствует. Не пойдешь?

– Нет, не пойду – расхохотался Самсонавас. – А Авдота с Агафой тоже пьют, наверное, и мордобитствуют?

– Ну не так, как Петка с Федкой, все же они бабы – хитро прищурился дедок. – Но оцарапать могут хужа кошки.

– А еще кто в округе живет, или всех назвал? – вмешался в разговор водитель.

– Че ж не жить, жавут. И кум жавёт, Гавря Шишков, и кума жавёт, Нинеля Шишкова, и в других Шишках Минька жавёт.

– Тоже Шишков? – давился от смеха Миколас.

– Ясно дело.

– И тоже пьет и мордобитствует?

– Ясно дело.

– Получается, ты один не пьешь, наверное, и по характеру паинька?

– Ясно дело.

– Так, может, мне у тебя и расположиться на постой? – подмигнул Миколас водителю.

– Ясно дело.

– Ну, так и быть, остаюсь – протянул старику руку художник. – Я Миколас Самсонавас.

– Лях, што ли? – глаза старика хищно блеснули.

– Нет, литовец по отцу, а так русский.

– Нуну. А ентот хто будет? – обратился дед в сторону водителя.

– Не шведец ли?

– Сам ты шведец – обиделся водитель. – Я, вообще, русский с Казахстана. И имя мое Мирон. Усек?

– Ну да, ну да – согласно закивал головой старик. – А меня Козимой прозвали.

– А по отчеству? – спросил Миколас.

– А по батюшке Силыч.

– Кузьма Силыч, значит?

– Ага, ага. Козима Силыч.

– Ну, ладно, Кузьма Силыч, показывай свои хоромы.

Пройдя через сени, Миколас с водителем попали в просторную кухню с огромной русской печью. Кузьма Силыч пересек ее и отдернул занавеску, скрывавшую небольшую комнатку, в одном углу которой стояла железная панцирная кровать, заправленная лоскутным одеялом, а в другом старая этажерка и шкаф. Рядом с кроватью притулилась кривоногая табуретка.

– Вот здесь и жави. Устроить? – обратился к Миколасу Кузьма Силыч.

– Устроит – вошел в комнату Самсонавас и повернулся к водителю. – Звони своему шефу, что все в порядке, место нашли, и завтра я приступаю к работе.

Водитель поднес мобильник к уху, дождался ответа и стал докладывать хозяину обстановку.

– Чагойто он, молится? – зашептал старик, показывая пальцем на Мирона.

– Звонит – усмехнулся Миколас.

– Гдейтоть звонють? Не слыхать – приложил к уху ладонь дед.

– Да нет, это он звонит, начальству своему.

– Кудыть?

– Начальству.

– Так ить чем?

– Что чем?

– Звонить чем?

– Ааа – заулыбался Миколас. – Мобильником, дед. Штука вон у него в руке такая, на коробок спичечный смахивает, телефон современный.

– Идишь – отмахнулся от Миколаса Кузьма Силыч. – А то я талафону не знаю.

– Нет, правда-правда, хочешь послушать?

– Идишь, буду ашо. Што я, малой – голову дурить? Талафон со

шнуром и трубою? – обиделся старик и, развернувшись, вышел из комнаты.

Водитель тоже закончил разговор по мобильнику.

– Ну что, все доложил? – поинтересовался Миколас.

– Дааа – удрученно почесал затылок Мирон.

– Случилось что?

– Пахан приказал при тебе оставаться.

– Что значит «приказал»? – разозлился Самсонавас. – Вот еще новость! Не нужен ты мне. Поезжай домой – и точка.

– Не, не могу – покачал головой Мирон. – Пахан приказал.

– Дай мне трубку, я сам с ним поговорю – протянул руку Миколас.

– Не, не могу, батарейка села, подзарядить надо бы.

– Ну так заряжай, чего ждешь?

– А вот смотрю кругом и ни одной розетки не вижу. И ламп нигде нет.

Миколас тоже внимательно обвел взглядом комнатку, но ничего электрического не обнаружил. Выйдя в кухню, он поднял голову к потолку. Люстры там не было.

– Кузьма Силыч – растерянно посмотрел на деда художник – а розеткито где?

– А нетути.

– Как – нету?

– А так, нетути и нетути. А пошто их держать, коли и света нетути.

– Как так и света нетути? – перешел на дедовский лексикон Миколас.

– А вот так. Как Петка с Федкой все провода со столбцов посняли годов эдак десять назад, так и жавем без лактричества.

– Ни фига себе! – присвистнул Мирон. – И че, вы, получается, и телик не смотрите?

– Талавизор, што ль? – переспросил Кузьма Силыч.

– Ну да.

– Дык, у мини яго отродясь не было.

– Счастливый человек – с завистью вздохнул Миколас.

– Какой счастливый? – возмутился Мирон. – Это же дурдом какойто. Как же можно без телика жить. Я б повесился через

неделю. Ни «Кривое зеркало», ни «Поле чудес» не посмотреть. Дикость какая-то. Этим Петьке с Федькой головы надо пооткручивать.

– Не. Нельзя – не согласился Кузьма Силыч. – Кто тогдаты по муку, по соль да по шпишки ездить нам будить? Окромь Петки и Федки, некому. Трахтур токмо у их имеется. А то и кафеток кады привезуть.

– Слышь, художник, поехали отсюда, пока не стемнело – повернулся Мирон к Миколасу. – Там на трассе деревень куча. В них и свет есть, и телевизор.

– Неа – улыбнулся в ответ Миколас. – Мне это в самый раз подходит, самое то для творчества. Никакой цивилизации.

– Не понял? – изумленно уставился на художника Мирон. – Ты че, тут хочешь остаться? В этой дыре?

– Ну да.

– Подождиподожди, а мнето что делать?

– Домой езжай, я ж тебе говорил.

– Нельзя мне домой, за тобой приказано присматривать – сник както сразу Мирон и умоляюще обратился к Миколасу: – А может, передумаешь, а?

– Нет – твердо ответил художник. – Ты, Мирон, ехал бы. Не можешь домой, остановись у когонибудь в райцентре, будешь оттуда ко мне наезжать.

– Правда? – ожил Мирон.

– Правда.

– Точно, блин – хлопнул себя по бритой башке Мирон, вспомнив о чемто. – Так я ж, тагось, поеду, а то ж там Петросян заскоро.

– Езжай, я тут и без тебя справлюсь.

После отъезда Мирона Миколас перетачил свои вещи в комнатку, достал из привезенного с собой ящика бутылку с коньяком, вышел на крыльцо и подсел на ступеньки к кутившему самосад деду.

– Ну что, Кузьма Силыч, а не распить ли нам за знакомство бутылочку коньячка?

– А давай – согласился дед. – Токма бражничать тута на дворе будем, а то в дому скоро стемнеет, мимоь рота, как быть, не пронести.

– Ну, на улице так на улице – довольно потер руки Миколас и

мечтательно произнес: – Хоть на закат полюбуюсь, сто лет его не видел да, может, наконецто картину настоящую напишу.

– Дык полюбуйся, полюбуйся, мабуть, и напишешь – пыхнул козьей ножкой старик.

И вот когда уже почти затух закат и была уговорена бутылочка коньяка, вдали раздалось прерывистое тарахтение.

– Это что? – прислушался к странному звуку Самсонавас.

– Аа. Енто Петка с Федкой на трахтуре едут. Видать, гдейтойть каросину добыли.

Через минут пять во двор Силыча вкатился допотопный драндулет, отдаленно напоминающий трактор «Беларусь», выпустил облако вонючего дыма и обреченно заглох. Из покореженной кабины, когдато синего цвета, а сейчас сплошь покрытой ржавыми проплешинами, кряхтя, спустились два одинаковых кряжистых низкорослых бородача в замызганных телогрейках, в штанах галифе военного покроя и кирзачах. Пошатываясь, они подошли к костерку, у которого беседовали Миколас со стариком.

– Здоров будешь, Козима Силыч – снял кепку перед хозяином один из близнецов.

– И тебе здорову быть, Петка.

– Здоров будешь, Козима Силыч – снял кепку и второй близнец.

– И тебе тож здорову быть, Федка.

– Подсести могём до огоньку? – сел к костру первый брат.

– Дык сел ужо.

– И то верно – согласился, усаживаясь, Федька.

Минуты две у костра стояла тишина, которую нарушил вздох Петьки:

– У тебя, Козима Силыч, сказывают, гость объявился?

– А хто сказывает?

– Дык ходют слухи – ответил Петька.

– Ааа – кивнул старик.

Над костром снова повисла тишина. Миколас с любопытством и удивлением рассматривал двух братьев, которые будто и не замечали его присутствия.

– Говорят, ажно с самой Москвы – нарушил затянувшееся молчание второй брат. – И будто лях?

– А хто говорить? – повернул к нему голову старик.

– Дык ходют слухи – ответил Федька.

– Ааа.

И опять над костром повисло молчание.

– Познакомил бы – через несколько минут оторвал от костра взгляд Петька.

– Дык я не супротив, токмо вот знакомка у вас исть али как? – растянул губы в хитрой улыбке Кузьма Силыч.

– А как жа! Че, мы не русские люди без знакомки по дворам шастат – оживился Петька и повернулся к заулыбавшемуся брату.

– А нука, Федка, слетай мигом к трахтуру, достань там знакомку.

Федька тут же вскочил на ноги, будто только этого и ждал. Вскоре на траву опустилась трехлитровая банка, наполненная мутноватой жидкостью.

– Кряпка? – облизнулся старик.

– Забижаешь – нахмурился Петька. – Крепчее столишной будет.

– А ты ее пивал, столишнуюто? – хихикнул старик.

– Забижаешь – еще больше сдвинул брови Петька. – Што, мы с Федкой совсем ужо дякие, што ли?

– А может, мне это... – попытался встать на ноги Миколас.

– Сяди ужо – придержал рукой художника старик, поняв его намерения. – Успеешь ище до ветру. Сначала поручкайтесь. Это Петка с Федкой, братья близняковые. Петка старшой.

– На двадцать минут – гордо расправился Петька.

– Вово – подтвердил Кузьма Силыч. – А ентот, Федка, младшой, с отставанием, значит.

– С каким таким отставанием? – вскочил на ноги Федька.

– Сядь, пятах! – цыкнул на него Петька. – А то забыл, как в школе учился?

– А че в школе? – обиженно забубнил в бороду Федька, опускаясь на траву. – Когдась енто было? Дык што, изза ентого до старости в дурнях ходить, што ли?

– А енто Миколас – не замечая возмущения Федьки, продолжал знакомить своих гостей старик. – Понашему Микола, значит, будеть.

– Лях? – вновь нахмурился Петька и потянулся к банке. – Для ляха знакомки не станется.

- Нее – успокоил его Кузьма Силыч. – Наш ён, русской. Енто родители у яго ляхи или шведцы. Тьфу, забыл. Подсоби, Микола.
- Литовец по отцу, а по матери русский.
- Ну, ежели по батьке, тады ладно – убрал руки от банки Петька. – В жисти всяко бывает. У нас вона с Федкой папаня дык вовсе мормонской народности, по морде тожа бородатый был, весь в нас. А по карахтеру самый што ни на есть хлыст, бросил маманьку, когдаты нам и осимнадцати аще не было. И сгинул гдейтоть без слуху и духу. А ты самто хто по жисти будешь?
- Художник. Портреты пишу.
- Аа – многозначительно закивали Петька с Федкой. – А к нам в Шишки пошто?
- Да хочу лица местных жителей написать.
- Аа – вновь закивали братья. – А каво?
- Так кого назовете, того и напишу. Передовиков ваших. Доярок, пастухов, механизаторов.
- Аа – разочарованно переглянулись Петька с Федкой. – Енто мимо.
- Чего мимо? – не понял Миколас.
- Нетуть у нас таковских.
- Каких таковских?
- Ну, доярков, ахрономов, механизаторов.
- А вы разве не механизаторы?
- Неа, мы с Федкой трахтуристы – отрицательно покачал головой Петька. – Мы по трахтурной части. Кому чаво привесть, ежели нужда стала.
- Давайте ужo сугреваться – недовольно вмешался Кузьма Силыч.
- А то совсем ужo простынем, чай, не солнце.
- Знакомился Миколас со странными обитателями глухой стороны почти до утра, пока не кончилась трехлитровая банка. И когда Федька, выделявая замысловатые кренделя, направился к трактору за второй банкой, столичный гость завалился на траву и тут же уснул. Проснувшись, Миколас повернул голову направо. Рядом на спине, раскинув руки и открыв рот, лежал то ли Петька, то ли Федька и раскатисто храпел.
- Ты хто? – грозно прозвучало сверху.
- Ято? – вздрогнул от неожиданности Миколас, увидев

склонившегося над ним одного из трактористов. В руке близнеца был зажат топор.

– Тыто, тыто. Лях? С ляхам у нас разговор куроткий.

– Нее, Петка. Ён с Москвы, ён Микола – подал голос с крыльца своего дома Кузьма Силыч. – Ён мулеватель, мулевать приихал.

– Аа – отступил от Миколаса Петька. – Мулеватель – енто хорошо. Нам с Федкой трахтур замулюет. Смогёшь?

– Смогу – вытер выступивший на лбу пот Миколас.

– Ну, тады надоть выпить знакомки. Меня Петкой кличут, а енто Федка спит, вчерась, верно, напился.

– Ненене! – в ужасе запротестовал Миколас, увидев как Петька зашагал к трактору.

– Молчи, Микола – зашептал подошедший к нему Кузьма Силыч. – Знакомку надоть выпить, а то хуже будеть.

Петька принес очередную трехлитровую банку самогона, и пиршество продолжилось. С этого момента Миколас Самсонавас практически полностью перестал ориентироваться в происходящем. Он пил, чемто закусывал, пел песни, спорил, ругался, отключался, потом опять пил, закусывал, пел, танцевал, вырубался, приходил в себя, кудато ехал, с кемто знакомился, пил, закусывал, пел песни, ругался, дрался, танцевал, вырубался.

– Ты хто? – услышал Самсонавас в очередной раз, отрывая голову от стола.

– Я?

– Ну не я же!

– Микола. А ты хто?

– Я? – тупо посмотрел на него бородатый мужик.

– Ну не я ж.

– Петка.

– А знакомка хде?

– У Мирошки надоть поспрашать – повернулся бородач в сторону русской печи. – Мирошка, хде знакомка?

Шторка над полатами раздвинулась, и оттуда вылезла здоровая заросшая физиономия еще одного мужика. На мгновение Миколасу показалось чтото знакомое в этом лице. Будто он уже когдато встречался с этим человеком. Но это хрупкое воспоминание тут

же исчезло.

– Это ище хто?

– Этоть Мирошка, брательник наш с Федкой. Недавноть нашелся.

– Хде?

– Да ить здесь, около дому. Ишо до холодов приبلудился, принял из рук Мирошки трехлитровую банку Петька. – Дикой вот токмо, малость. Усе молчит больше, а как выпьет, дык заговаривает, и усе про талавизер чагойто.

Услышав знакомое слово, Мирошка расплылся глупой улыбкой, закивал головой и выдал скороговоркой, жестикулируя руками:

– Талавизер, дырк, пррр, хррр, опапа! Талавизер, дырк, пырк, вжик, опапа! Талавизер, хррр, опапа! Мне!

– Видать, ён мастак у вас по талавизерам – предположил Миколас и задумчиво посмотрел в окно. – Ужеть снег. Давно такто?

– Дён семь как – поднял кружку самогонки Петька.

Выпив и закусив вареной картошкой, Миколас с силой потер лоб, пытаясь удержать какието воспоминания, вновь промелькнувшие в его воспаленном мозгу.

– А я хто? – обратился он к Петьке после тщетной попытки восстановить память.

– Микола.

– Аа – попытался встать изза стола Миколас, но ноги не держали. – А хде я?

– У нас, в Шишках.

– Аа. А живу хде?

– Чичас узнаю – наклонился под стол Петька и пнул когото ногой. – Федка, Микола чейный?

– Козимы Силыча сын – раздалось изпод стола.- Мулеватель.

Миколас тоже нагнулся вниз. Под столом, свернувшись калачиком, лежал бородатый мужик – точная копия Петьки.

– А чаво я у вас делаю?

– Дык трахтур приехал мулевать.

– Давно?

– Дык, можо, месяц, а можо, два. Хто его знат. С лета ты при нас – кряхтя, вылез изпод стола и налил себе самогонки

бородач. – Покась по всем Шишкам проехали да у всех сродственников наших Шишковых прогостевали, дык все с нами был. Завтрасьпослезавтрась к Козиме Силычу, батьку твоему, назад тябя отдадим. Жалкость, родимый совсем стал, как Мирошка.

– А давай за жалкость споем – предложил Петька, обнося всех самогоном, и первый затянул:

Эх, мороз, мороз,
Не морозь маня,
Не морозь маня,
Свовово коня...

К дому Кузьмы Силыча уже почти по темноте подъехал вездеход. Из него выскочили четверо здоровенных мордovorотов и, суетливо озираясь, взбежали на крыльцо. Двое из них тут же скрылись в сенях. Через несколько минут один вернулся назад и проговорил в микрофон, скрытый в воротнике куртки: «Все чисто, можно выходить». После этого разрешения дверца вездехода медленно открылась, и из него вылез наружу владелец банка, заключивший еще летом с Миколасом Самсонавасом договор на будущие картины художника.

За банкиром осторожно ступил в снег высокий худощавый мужчина, одетый в форменное пальто с прокурорскими петлицами.

– Че, есть кто в хате? – обратился банкир к своему телохранителю.

– Только один старик.

– И все?

– Больше никого.

– Ну, пойдем, Ягужинский, поспрошаем аборигена по поводу художника – зашагал к дому банкир, приглашая за собой прокурора.

– Билл Иванович, вы точно уверены, что Самсонавас сюда направился?

– Точно, точно, Паша. Я ж тебе уже говорил, что водила – мой человек, отсюда откуда то звонил летом в последний раз. А потом все, как обрезало. Я особо не дергался, мало ли, может, мобилу

потерял. Но вот уже Новый год на носу, а о них ни слуху ни духу. Странно все это.

Не отряхнув снег с обуви, оба прошли в кухню. За столом сидел Кузьма Силыч и спокойно рассматривал визитеров.

– Ну, старик, рассказывай – присел на табуретку напротив деда банкир.

– Об чем? – достал из кармана кисет Кузьма Силыч.

– О художнике, что летом сюда картины рисовать приезжал.

– Дык не було никого.

– Не свисти, старый, отсюда звонили, докладывали.

– Дык у меня и талафону нетуть.

– Дурака не валяй, звонили с мобилы.

– С какой могилы? – испуганно отшатнулся в сторону Кузьма Силыч и перекрестился.

– Не дуркуй, батя, не прикидывайся, будто не знаешь, с какой такой мобилы – встрял в разговор Ягужинский.

– Вот ты крест – истово перекрестился Кузьма Силыч. – И знать не знаю ни про каку могилу. У нас в Шишках год как никто не мёр, слава ты Господи. Усе Шишковы пока што жавые да здоровые, жавуть да вам жалають.

– Чего ты несешь, старый? – перебил Кузьму Силыча банкир. – Какие Шишки, какие Шишковы? Чтото мы, кроме твоей развалюхи, никаких домов больше не встретили.

– Ну, дык ня тою дорогою ехали.

– Мы вообще без всякой дороги сюда добирались.

– Ну, дык занесло яе усю.

– Ладно, дед, короче, где художник Миколас Самсонавас? – угрожающе надвинулся на Кузьму Силыча банкир.

– Дык нема у нас таковских и отродясь не було. Микола исть, а Миколаса нема.

– Послушайте, Билл Иванович, а может, ну его, может, действительно не было тут никого – вновь вмешался прокурор.

– Как не было, если последний звонок отсюда прошел – поднялся с табуретки и зло ударил сапогом ножку стола банкир. – Объяснить можешь?

– Ну, трудно, конечно, Билл Иванович, но попробую – закурил «Парламент» прокурор. – Тут вот какое дело, места эти с

недоброй славой еще с давних времен. Много здесь народу сгнуло. А началось все еще с Ивана Сусанина, когда он гдето в этих лесах поляков сгубил. Вот с тех пор пришлые людишки в этом углу и пропадают. Из недавнего, помните, лет десять тому, замминистра сельского хозяйства Игнат Васильевич со свитой приезжал? Он еще грозился эти уголья в бессрочную аренду китайцам отдать.

– Ну? – насупился банкир.

– Сгинул и сам, и свита, и все сельское хозяйство. Так и не нашли. А еще замминистра образования Аграфена Николаевна года три назад сунулась со своей модернизацией сельские школы закрывать. Помните?

– Ну.

– Школы успела закрыть, а сама без следа...

– Не нашли?

– Нет, ни ее саму, ни сопровождающих. Как в воду канули. Места после этого совсем глухие стали. Даже свои ездить сюда побаиваются.

– Подожди, подожди – вытащил из своей куртки фляжку с коньяком банкир. – Так это, значит, и министр здравоохранения Гавриил Алексеевич с министром культуры Ниной Андреевной тоже гдето здесь?

– Ну да, когда клубы да ФАПы закрывали – взял из рук банкира фляжку прокурор. – Мы сюда и войска посылали прочесывать. Бесполезно. Гиблые места, одно слово – сусанинские. Тут еще кандидат в депутаты, Дмитрий Пустовой, тоже гдето того.

– Точно, точно, пропал он. Мы его финансово прикармливали. Уж больно сказки хорошо напевал про светлое будущее – заслушаешься. Вообще, чертовщина какаято? – поежился банкир и повернулся к Кузьме Силчу. – А про Миколу своего ты все ж скажи, дед, где он у вас проживает.

– А тама – махнул рукой старик в направлении леса. – Близко.

– Поехали, Ягужинский, проверим.

– А может, не стоит, Билл Иванович, ну его, мулевателя энтото

– опасно покосился на старика прокурор.

– Ехаем, Паня, ехаем, уверенно шагнул за порог банкир.

Кузьма Силч, кряхтя, поднялся с лавки, подошел к шкафчику,

достал оттуда литровую бутылку самогона, наполнил стакан и залпом его выпил.

— Эка хороша! — крикнул он от удовольствия и, глядя в окно на удаляющийся вездеход, задумчиво произнес: — К Петке с Федкой супостаты поехали, к Сусаниным по матери.

© Дмитрий Воронин, 2021. Некаýalar